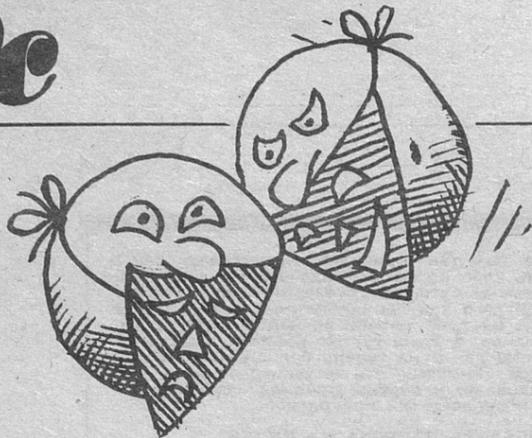

16. I. 91
24. I. 91

ЭС

В ПРОЦЕССЕ

283

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
«ТЕАТР, ГДЕ ИГРАЮТ ДЕТИ»
INTERNATIONAL FESTIVAL
«Theatre Where Children Play»

Москва, 2-12 января 1991

Moscow, 2-12 January 1991

Итак, совсем недавно впервые в Москве (да и вообще в СССР) состоялся Международный детский театральный фестиваль («ЭС» сообщал о нем в № 2 за нынешний год).

Из приведенной выше эмблемы читатель сможет почерпнуть необходимую информацию о названии, сути, сроках проведения фестиваля, а также его учредителях, спонсорах и организаторах.

Однако мы, относясь скептически ко всякой обезличенности, настаиваем на конкретизации и персонализации, потому что, хотя любое масштабное мероприятие и невозможно реализовать в одиночку, тем не менее замысел его созревает, как правило, в какой-то одной голове, обладателю которой — опять же, как правило! — нужно, что называется, больше всех.

В данном случае таким человеком оказался руководитель Класс-центра музыкально-драматического искусства при Дворце пионеров Фрунзенского района, он же председатель оргкомитета минувшего фестиваля, — режиссер Сергей Казарновский (36 лет, женат, имеет двух детей). С ним-то и встретился корреспондент «ЭС» — в обстановке, приближенной к боевой, ибо рядом находились юные участники фестиваля, которые чувствовали себя вполне как дома и выражали свои чувства на самых разнообразных языках, которым были обучены с детства.

— Сергей, скажите, пожалуйста, работать с детьми в театре — это ваша заветная мечта? Знаете, в детстве каждый хочет кем-то быть: кто — строителем, кто — экстрасенсом, кто — ракетиром...

— Поскольку две последние профессии в дни моей юности не были еще достоянием гласности (как и сама гласность), мне ничего не оставалось, как выбрать первую. А если кроме шуток — я вырос в семье со строительным уклоном, в результате чего и закончил в 1976 году Московский инженерно-строительный институт.

— Но профессия инженера тяготила вас, а школьное увлечение сценой влекло к себе, как...

— К сожалению, все было не так. Или к счастью. Я не был технарем-неудачником. Проработав четыре года по специальности, имел группу и даже поступил в аспирантуру. В школьные и студенческие годы, конечно, увлекался тем, что принято называть замечательным словосочетанием «художественная самодеятельность»: бил в барабан, сочинял капутники. Но увлекался не настолько, чтобы все бросить и заняться исключительно подмостками и исключительно из любви к высокому искусству.

— Тогда я не понимаю...

— Потому, что я не досказал. Мне повезло: довольно рано я вошел в круг людей, чьи мысли и разговоры об экономике, политике, истории резко отличались от официально принятых версий освещения этих проблем. То есть у меня была возможность разобраться в каких-то очень важных вопросах гораздо лучше и быстрее, чем многим моим сверст-

никам. Театром я тоже увлекался. Как театром в целом, так и театром вполне конкретным — Таганкой, воздействие которой на гражданские чувства тогдашних зрителей не нужно недооценивать. Короче говоря, заниматься театром я стал потому, что театр казался мне самым действенным способом выражения и пропаганды чувств и знаний, которые я, по счастью, успел получить и которые отличались от узаконенной идеологии.

— Но при чем тут дети?

— При том, что воспитать взрослого человека нельзя. Воспитывать, учить можно только растущий, несформировавшийся еще организм. И чем скорее этот организм приобщится к правде, тем скорее его (и наша общая) жизнь сможет обрести некий положительный смысл.

— Так вы считали тогда, в 70-е, застойные годы. Так продолжаете считать и сегодня?

— Да. Другое дело, что приобщать к правде экономической, политической и исторической сегодня театру не нужно — этим успешно занимаются средства массовой информации. И если раньше мы ставили спектакли на «политические» темы («Уроки истории», в меньшей степени — «Ящерица»), то последняя наша работа — «Ромео и Джульетта» — спектакль о любви, не о политике.

— Наша — это чья?

КТО НЕ УСПЕЛ, ТОТ ОПОЗДАЛ. И НАОБОРОТ

Когда во время торжественного открытия фестиваля на юных и взрослых зрителей Московского тюза посыпались разноцветные воздушные шары, это вовсе не означало завершения праздника. После того, как все наигрались вдоволь, в зал вкатились надувные полугоразмерные шары, а затем, когда уже наверняка никто никаких сюрпризов не ожидал, появились шары двухметроворостые. В отношении же того, как проистекало карнавальное шествие на улице Тверской, то этого пером не описать и вовсе. Достаточно сказать, что в шествии участвовали скоморохи, барабанщики, медведи, не говоря уже обо всех остальных, включая сюда пиротехнические устройства и эффекты.

— Класс-центра при Дворце пионеров (тоже чудесное словосочетание) Фрунзенского района. От профессии строителя я ушел окончательно; в 85-м поступил в Щукинское училище, теперь — профессиональный режиссер. Хотя главное для меня сейчас не только режиссура, но и педагогика.

С детьми можно и нужно работать серьезно. Если мы ставим спектакль, то ребята должны видеть, что это не просто «домашние радости», а серьезное, стоящее дело. Поэтому, когда наш спектакль «Преодоление» (сегодняшнее его название — «Эники-беники») получил приз зрительских симпатий на «Играх в Лефортове-88» — вполне «взрослом», а не «детском» театральном фестивале, — это был не просто желаемый, но и очень важный результат. Мы гастролировали в США, Франции, Голландии, и этот факт я тоже считаю очень важным и значительным. Потому что подобного рода признание укрепляет веру в свои силы (говорю сейчас не столько о себе, сколько о ребятах, с которыми занимаюсь).

— А что такое — этот Класс-центр? Просто название театра?

— Нет, Класс-центр — это широкая эстетическая программа: уроки музыки, вокала, живописи, актерского мастерства, этики, пластические занятия, обязательное изучение иностранных языков; есть класс по истории религии, класс развития образной памяти, школа менеджеров. Всего у нас около 300 детей (от 6 до 16 лет) и 40 педагогов. Как система Класс-центр существует с 1988 года.

— Стало быть, театр для вас — не самоцель?

— Ни в коем случае. Станет ребенок артистом или нет — не в этом дело. Дело в том, что, призывая отдать все лучшее детям, в действительности предыдущее поколение оставило нам в наследство воспитанных им, этим поколением, людей, у которых отсутствует чувство собственного достоинства. Так вот, главная наша задача — вырастить нормального человека, которого представить без этого чувства

Zebra

gruppen

Vallensbæk Børneteater

невозможно. Меня сейчас часто спрашивают, не слишком ли много денег мы истратили на этот фестиваль. Кстати, если вы уж начали конкретизировать и персонализировать, необходимо, чтобы здесь прозвучало имя председателя Молодежного театра эстрады Анатолия Иванова, долгие годы финансирующего мои затеи в целом, и в частности (а может быть, именно здесь уместнее сказать: «в целом»), только что проведенный фестиваль. Так вот, упреки в излишней трате денег я считаю бессмысленными. На детях, как и на здоровье, нельзя экономить. Фестиваль — это праздник, и он должен быть праздником. Из ничего, как известно, не выйдет ничего. Из убожества может родиться только убожество. Мы должны научить детей, с которыми работаем, воспринимать многогранность, многокрасочность мира. А между тем, имея в своем распоряжении лишь один цвет — черно-белый, — нельзя объяснить, как выглядит, например, розовый, или зеленый, или фиолетовый. Ну а если говорить непосредственно о театральном искусстве, представленном на фестивале детьми из Великобритании, Германии, Финляндии, Югославии, Испании, Дании, Ирландии, Франции, России, Грузии, Эстонии, Литвы, Узбекистана, Белоруссии, Якутии, Украины, то его, как и положено, лучше было все-таки один раз увидеть, чем не увидеть никогда.

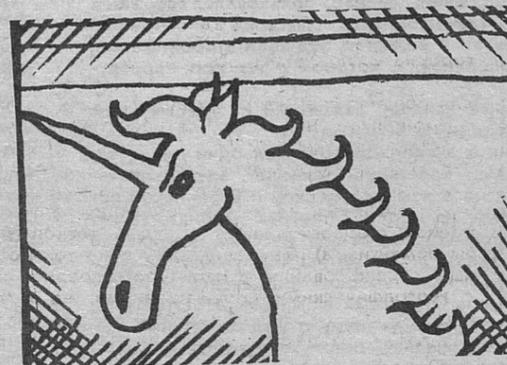
Присоединяясь к С. Казарновскому, «ЭС» также приносит свои соболезнования всем тем, кто на фестивале не побывал, и советует запомнить на будущее, что кто не успел — тот опоздал. И наоборот.

Юрий АПТЕР.

Фото Алексея Белянчева.

Рисунки из газеты «Менестрель».

Афиша детского театра из Дании «Зебра групп».

Казарновский С